

DOI: 10.31857/S032103910001276-6

«СОФИСТЫ» ФИЛОСТРАТА В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ. Жизни софистов. Под общим руководством Е.Г. Рабинович. (Античная библиотека. Греческая серия. Т. I). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 536 с., ил.

Сборник биографий софистов, составленный около 237/238 г.н.э. Флавием Филостратом, безусловно, занимает особое место среди памятников греческой литературы римского времени хотя бы уже потому, что введенное автором в оборот понятие «вторая софистика», получив коренное переосмысление в современной науке, стало использоваться расширительно: для обозначения не только узкого круга «гламурных интеллектуалов»¹, мастеров импровизационного парадного красноречия, но и особой культурно-исторической эпохи, охватывающей период примерно с середины I в. до середины III в.² Достаточно сказать, что именно материал филостратовского сборника, прочитанный под новым углом зрения, послужил одним из отправных пунктов для начатого классической работой Глена Бауэрсока³ пересмотра роли и места софистического движения в культурной и политической истории ранней Римской империи.

Рецензируемое издание дает русскому читателю возможность впервые в полном объеме познакомиться с этим важнейшим и весьма своеобразным произведением. Подготовленный под руководством — и, несомненно, при решающем вкладе — доктора исторических наук Елены Георгиевны Рабинович (автора превосходного перевода другого известного сочинения Филострата «Жизнь Аполлония Тианского») том открывает греческую серию Античной библиотеки (Bibliotheca antiqua. Series Graeca), основанной в 2015 г. издательством Университета Дмитрия Пожарского (Русский фонд содействия образованию и науке) и предназначенной для публикации произведений греко-римской литературы параллельно на двух языках — древнем и современном (русском)⁴. Такого рода издательский проект, при условии следования лучшим мировым образцам (таким, например, как Collection Budé парижского Les Belles Lettres или Sammlung Tusculum германских Akademie Verlag и De Gruyter), очень насыщен и актуален для российской науки и культуры.

Данный перевод Филострата многообещающе заявлен как первый шаг в реализации большого проекта: опубликования, как сказано в аннотации, «семейного собрания сочинений “Всех Филостратов всё”» (т.е., помимо названных, «Героики», «О гимнастике», «Картины», еще не переведенных полностью на русский язык, а все это в целом составит четыре полноформатных тома). Соавторами перевода, комментариев и указателей стали молодые

¹ Заимствуем это наименование из названия статьи: Borg 2004, 157.

² Несмотря на отдельные возражения, такое расширительное (можно сказать, метафорическое) употребление термина утвердилось в научном обиходе и охватывает едва ли не весь спектр литературных направлений I–III вв., включая и латиноязычную словесность. Данный подход реализован, в частности, в новейшем пособии по Второй софистике: Richter, Johnson 2017. Обзор современных подходов к изучению Второй софистики см. Brener, Martins 2017, 11–28, а также Makhlayuk 2013, 154–168.

³ Bowersock 1969.

⁴ Два тома вышли в латинской серии: Латинские панегирики (2016, подготовлено И.Ю. Шабгай) и «Хорография» Помпония Мелы (2017, под общей редакцией А.В. Подосинова).

петербургские филологи Ф.Г. Беневиц, А.А. Ветушко-Калевич и А.А. Кладова. Конкретный вклад каждого никак не обозначен, однако и каких-то заметных нестыковок и разнобоя, возникающих иногда при командной работе, тексты не обнаруживают: единая направляющая рука руководителя проекта присутствует в каждом элементе текста. Книга имеет все необходимые и достаточные компоненты добротного академического двуязычного издания: содержательные вводные и обобщающие статьи, параллельные тексты греческого оригинала и русского перевода⁵, емкие и уместные постраничные комментарии, карты («Пространство софистики»), хронологическую таблицу, краткий глоссарий риторической номенклатуры, список сокращений, библиографию, аннотированный указатель имен и географических названий. Быть может, издание бы еще больше выиграло, если бы были добавлены иллюстрации: портреты некоторых персонажей сборника сохранились (Герод Аттик, Полемон, Элий Аристид, не говоря уже о римских императорах, с которыми нередко общались софисты).

Поскольку и сам Филострат и Вторая софистика (как в узком, так и в широком смысле понятия) недостаточно хорошо известны российскому читателю, три обширные статьи Е.Г. Рабинович, знакомящие с личностью, творчеством и эпохой автора (авторов)⁶, представляются более чем уместными, тем более с прицелом на публикацию и остального *corpus Philostrateum*, и написаны они не просто с отличным знанием дела, но проникновенно, остроумно и, суммируя пути и итоги изучения софистической литературы в современной науке, предлагают оригинальную трактовку ряда ключевых вопросов. Поэтому на них стоит остановиться подробнее. Нельзя, однако, не отметить и статью А.А. Ветушко-Калевича, посвященную обзору рукописной традиции, изданиям и переводам «Жизней софистов» (с. 39–49); в ней учтено практически все, что относится к этим вопросам, включая новейшие итальянские и немецкий переводы, а также первое после Кайзера критическое издание, подготовленное Р. Стефецем⁷. Приведенный греческий текст и, соответственно, перевод опирается в первую очередь на издание, вышедшее в *Loeb Classical Library*⁸, а в плане критического аппарата также на издание Кайзера 1871 г., но с учетом других новейших изданий и предложенных чтений.

В первой статье «О “Жизнях софистов”: предупреждении» Е.Г. Рабинович останавливается прежде всего на жанровом своеобразии этого Филостратова сочинения, одного из четырех дошедших до нас на греческом языке сборников древнеклассических⁹ биографий, и обращает внимание на необычность автора как биографа, которая заключается в том, что «впервые писать о софистах взялся софист», т.е. «инсайдер», эксперт, писавший для своих же собратьев по профессии, а потому не утруждавший себя разъяснением софистической аргументации и технических деталей, откуда и проистекают трудности сегодняшней работы с этим текстом (с. 17, 22). Главную же удивительную черту сборника, не замеченную прежними комментаторами, Рабинович усматривает в том, что Филострат рассказывает и о персонажах, которые еще были живы на момент написания сочинения (таких всего двое из 59: Гелиодор и Аспасий Равеннский), т.е. отступает от основополагающего принципа биографии, которая «всегда про покойников» (с. 23). Для объяснения этого предлагается, по признанию самой Рабинович, шаткая гипотеза: «знаменитый софист, успевший прославиться именно в качестве биографа, и вовсе может писать биографии так, как считает нужным», полагая, что в смерти его героя не будет ничего интересного, а вот о его карьере все же стоит рассказать (с. 29, 30). Звучит и вправду не очень убедительно, но почему бы действительно не допустить в данном случае авторского произвола, сознательного отступления от давней традиции с целью подчеркнуть, что софистика жива и имеет будущее?

В заключительной части первой статьи Рабинович подробно останавливается на принципах перевода, о которых стоит сказать особо при рассмотрении собственно переводческой работы. Пока же рассмотрим две другие статьи, помещенные уже после основной части тома. В первой из них, озаглавленной «Филостраты, сколько их ни есть» и, по сути, служащей введением ко всему корпусу, речь идет о проблемах, связанных с этим литературным семейством. Давнюю и весьма запутанную историко-филологическую задачу «сосчитай Филостратов» автор решает

⁵ Текст перевода дан на четных страницах, а греческий оригинал на нечетных, хотя привычнее и удобнее, на наш взгляд, было бы иное расположение, как это сделано в томах латинской серии.

⁶ Они занимают почти 120 страниц текста и по сути дела представляют небольшую монографию.

⁷ Stefec 2016. Автор статьи ссылается на это издание и на какую-то статью Стефеца 2014 г., но в библиографическом списке этих работ почему-то нет.

⁸ Wright 1922.

⁹ Такое несколько необычное определение использует автор здесь и в других местах, говоря, в частности, о «древнеклассической словесности».

элегантно, проявляя чуткость к деталям, учитывая и критически оценивая все высказанные прежде доводы и точки зрения. Присоединяясь к широко принятому мнению, что Филострат I не мог быть отцом автора «Софистов» и «Жизни Аполлония», Рабинович полагает, что он вообще не был софистом, но вполне мог жить при Нероне и быть автором одноименного диалога о канале через Истм, а приписываемое ему «Судой» сочинение о Перегрине Протее попало в список его трудов по ошибке из пинакса (перечня сочинений) Лукиана Самосатского. Здесь, правда, автор вступает на довольно зыбкую почву противоречивых фантазий, не без остроумия предполагая, что некий византийский переписчик получил для копирования пинаксов (составлявшихся скорее всего для «Суды») авторов на две буквы — *лямбду* и *фи* — и, прочитав в пинаксе Лукиана название «Перегрин Протей: Пес, или Софист», отвлекся, а потом написал его на листе с соседней буквой Ф. Однако, как отмечает сама автор статьи, в лексиконе «Суда» у Лукиана пинакса нет, что обусловлено отношением лексикографа к писателю-безбожнику. Поэтому объяснение ошибки лексикографа выглядит чересчур замысловатым и малоубедительным.

В предлагаемой автором реконструкции биографии Филострата II Афинского, опирающейся также и на надписи, отметим предположение, что отсутствие у него учеников можно объяснить тем, что он почти не занимался преподаванием, от которого его, вероятно, отвлекала обширная собственность, требовавшая присмотра (с. 425). Что касается еще одного или двух Филостратов, то Рабинович обосновывает мнение о том, что Филострат III Лемносский, бывший зятем и, скорее всего, племянником второго Филострата, успел поучаствовать в соперничестве за афинскую кафедру и, несомненно, был автором «Картин», но первых или вторых, — этого с уверенностью сказать нельзя. Четвертый же Филострат, автор вторых «Картин», — это, вероятнее всего, правнук Флавия Филострата по дочери и внук Филострата Лемносского, но такое заключение подтверждается не столько тем немногим, что мы знаем о нем, сколько тем, что известно о его прадеде и деде, хотя твердых доказательств, что такой софист жил на свете, нет (с. 441).

Третья статья Рабинович «Флавий Филострат и его софисты» посвящена характеристике той культурно-исторической эпохи (автор называет ее эпохой имперской глобализации), в которую получило развитие софистическое движение, и выяснению сути того феномена, который Филострат назвал Второй софистикой и причастностью к которому обуславливался выбор самих героев жизнеописаний. Констатировав очевидное приращение современных ученых ко Второй софистике, удачно вписавшейся в повсеместный интерес к «идентичности», и не найдя удовлетворительным ни одно из предложенных на сегодняшний день определений данного феномена (от предельно широких, отождествляющих с *δευτέρα σοφιστική* едва ли не любое культурное явление II–III вв., до признания ее «мыльным пузырем», раздутым из фразы Филострата, вырванной из контекста¹⁰), Рабинович видит единственный повод для такой «терминологической безответственности» в том, что критики расширительного словоупотребления так и не предложили ничего по-настоящему позитивного (с. 452), и аргументированно показывает, что для самого Филострата ключевая особенность, самая сущность софистики, отличающая ее от риторики вообще, заключалась в импровизации, искусстве говорить без подготовки. Поэтому-то автор «Жизней» не интересовался ни писательской одаренностью, ни риторической аргументацией, ни актерским перевоплощением (*ὄλθορσις*) декламатора и выбирал своих героев исходя из того, отличались ли они этим высоким искусством. Для Филострата важнее всего сама создаваемая в импровизируемых речах художественная словесная ткань, и это роднит искусство софистов с творчеством рапсодов, гусяров и прочих представителей поэтических корпораций.

Таким образом, Рабинович предельно сужает содержание Второй софистики, ограничивая его только тем, что, согласно ее реконструкции, вкладывал в это понятие сам Филострат. С таким выводом, который, пожалуй, впервые с такой категоричностью сформулирован в литературе, можно согласиться, не отбрасывая, однако, и более широкого понимания термина «Вторая софистика». Ведь и сам узко понимаемый феномен импровизационного красноречия возник и получил распространение в широком историческом контексте отнюдь не случайно, он представлял собой вершину айсберга, некую квинтэссенцию той своеобразной греко-римской имперской культуры, в которой господствовали городские элиты, связанные и с местной почвой, с греческой традицией, и со структурами империи. Именно в софистах, столь живо обрисованных на страницах книги Филострата, эти связи персонализировались, становились политической и, если угодно, бытовой реальностью. И если у самого Филострата перформативные и общественно-политические стороны софистики оказываются несколько затуманенными, то это еще не значит, что так же дело обстояло и в реальности. Интерес к софистике и со стороны властей

¹⁰ Эта вторая точка зрения наиболее полно обоснована в известной статье П. Бранта (Brunt 1994, 25–52).

предержащих, и со стороны городской публики позволял концентрировать немалые ресурсы (как материальные, так и символические) в области столь рафинированной культуры, а через это подпитывались и другие сферы словесности, изобразительных искусств и образованности.

Переходя к оценке самого перевода Филостратова сочинения, отметим, что текст его «Софистов» ставит перед переводчиком ряд ощутимых трудностей объективного порядка, обусловленных отчасти характером той читательской аудитории, которой предназначался сборник (это, напомним еще раз, труд для внутреннего пользования). К ним следует отнести: подчеркнутый аттицистский пуризм автора, не допускающий использования иноязычных заимствований (даже для наименования римских реалий), инодиалектных форм и говоров, обилие специальной риторической терминологии, пристрастие к кратким эффектным выражениям, многочисленность занимательных историй и остроумных изречений, соль которых не всегда ясна из контекста, и т.д. Коллектив переводчиков в полной мере отдает себе отчет во всех этих сложностях и нюансах, строя свою работу на четко оговоренных в «Предупреждении» принципах (с. 31 сл.). Исходя из этих особенностей и особо подчеркивая, что «при всей своей демонстративной архаичности римский аттицизм¹¹ был новым — теперь это был общий литературный язык римских греков, поддерживающий единство нового культурного пространства» (с. 32), Рабинович считает, что ближе всего этому аттицизму русская проза середины XIX в., когда наша словесность все еще оставалась достоянием относительного меньшинства «образованной публики». Важнейшее отличие между ними, однако, состоит в допустимости заимствований: что для русского литературного языка названного времени было нормой (более того, также и признаком, маркирующим книжную, ученую речь в противоположность просторечию и фольклорному творчеству), то для последовательных греческих аттицистов римского времени было абсолютным стилистическим табу, «и очевидное практическое неудобство такого запрета делало его только строже» (с. 35). Отсюда как раз и проистекает тот основной компромисс, на который вынуждены идти переводчики: максимально избегая иностранных заимствований (латинизмов в первую очередь) и стараясь не злоупотреблять даже и греческими словами (иностранными для русского языка), они стремятся передать культурную позицию автора и важнейшее стилистическое своеобразие его сочинения как образчика языкового пуризма и в то же время сохранить антично-греческий колорит, дать почувствовать римский фон, явно присутствующий в повествовании, и передать риторическую номенклатуру так, чтобы не превратить четкие термины в тяжеловесные описания или чересчур замысловатые режущие слух неологизмы. И если с этой точки зрения в достигнутом компромиссе уклон сознательно сделан в пользу пуристической специфики оригинала, то применительно к ритмическим украшениям текста, наоборот, переводчики в большей степени ориентируются на привычную стилистику русской прозы, сохраняя характерные для исходного текста звуковые прикрасы (гомеотелевты, ритмы и т.п.) в основном только в цитатах из речей, но отказываясь от них в повествовательных частях.

В результате по многим формальным признакам переведенный текст оказывается стилистически проще оригинала, но отнюдь не до такой степени, чтобы исчезла та культурно-историческая дистанция, которая непременно должна быть дана читателю в ощущении, чтобы на уровне языка и стиля понять, что он имеет дело с произведением, созданным много веков назад и предназначенным для особой публики.

Надо сказать, что, последовательно реализуя указанные принципы, переводчики в целом достигают поставленных целей. Писательская манера Филострата, явно отличающаяся в этом произведении от других его сочинений, передана верно, сочным, упругим языком, выверенным синтаксисом. Почти ничего не теряя в фактической точности, адекватно передавая исторические реалии, русский текст «Жизней» читается как действительно стильное, занимательное повествование с яркими персонажами, запоминающимися эпизодами и емкими характеристиками¹². Мастерски переданы синтаксические конструкции с вставными

¹¹ Такое словосочетание представляется малоудачным: понятно, что эпитет «римский» отсылает к эпохе Империи, но звучит оно так, будто речь идет о тех римских писателях и ораторах, которые были привержены аттицизму в противоположность азианизму.

¹² Ср., например, о Фрасимахе Халкедонском: «Сочинял он ябеды и таскался по судам с клеветами» (с. 96). «Герод более алкал произносить речи без подготовки, нежели чтиться гипатом и потомком гипатов» (с. 186).

репликами, которыми во многих сценах обмениваются персонажи жизнеописаний¹³, а также отрывки из софистических речей, оснащенных всевозможными риторическими прикрасами¹⁴.

Вместе с тем выбранная стратегия перевода не только обнаруживает очевидные успехи и оригинальные находки, но и приводит к некоторым издержкам. К числу несомненных переводческих удач можно, например, отнести передачу некоторых риторических терминов и категорий: если для показательной композиции (*διάλεξις*) выбран перевод «разлагал», то для показательной речи на заданную тему (*μελέτη, ὑπόθεσις*) используется транслитерация греческого термина «ипотеза» (и «притворная гипотеза» для *ἑσχηματισμένη ὑπόθεσις*), характерного для стиля Филострата; *ῥυθμοί* передаются как «мерности», *εὐπρόσωποι λόγοι* — как «велеречие» (так же и *σεμνολογία*), *κοινή* — как «всенаречие», *καίρια τὴν ἀρχαίαν πολυμάθειαν* — «цветословы уместных речений». Вместе с тем ряд понятий оставлен без перевода, в основном вынужденно: дистих, анапесты, критик, эксаллага (намеренное искажение морфологической или синтаксической нормы), монодия, варваризм, магада, палестра, эпоним, иерофант. Для лексики, описывающей бытовые и культурные реалии, в некоторых случаях найдены вполне уместные эквиваленты: крамола (в значении военного мятежа), матёрая земля, чалы (= канаты), ристатель (атлет), единоборец (гладиатор), огнедавец (Прометей), пустопляс¹⁵. Однако отдельные варианты, использующие слишком архаические или просторечные лексемы, представляются все же малоудачными: «орава четырехсот тиранов» (*τυράννων τετρακοσίων δῆμον* — с. 98), «ей-богу», «ну, бывай» (с. 126), «снохач»¹⁶ (*μοιχός* — с. 198), «жбан» (*κράτηρ* — с. 228 и др.), «истинник»¹⁷ (*τὸ ἀρχαῖον* — с. 332). На наш взгляд, чужеродно выглядит перевод греческой *ἀγορά* словом «майдан», которое хотя и имеет в словаре Даля, как отмечает Рабинович, точно такое же значение (с. 36, прим. 15), но, во-первых, оно неславянского происхождения, во-вторых, включает целый спектр значений и коннотаций, более чем далеких от всего, связанного с центральной городской площадью как средоточием общественно-политической жизни полиса¹⁸, а в-третьих, приобрело за последние годы в связи с известными событиями в одной соседней стране столько аллюзий, что непроизвольно режет слух в сочинении римского грека.

В передаче общественно-политической лексики, и особенно римских понятий, картина также неоднозначная. Если, скажем, замену «консула» и «проконсула» грецизмами «гипат» и «анфипат» еще можно одобрить (тем более что Рабинович убедительно обосновывает этот выбор в «Предупреждении»¹⁹), как и «синклит» в значении «сенат», а выражение «меченосный судья» (*δικαστὴς ξίφος ἔχων* = провинциальный наместник, наделенный *ius gladii*, с. 174 и прим. 287 на с. 175) или «доверенный мечник» (*τελισημενός τὸ ξίφος* = префект претория, с. 244) признать удачным эквивалентом, передающим греческое восприятие римской должности, то в целом ряде случаев получается нечто не совсем вразумительное и по стилю, и по сути. Так, греческая *фила* превращается в отрасль (с. 212, 302 и др.), форум (*ἀγορά*) в Риме — в «римскую вечернюю площадь» (с. 264), провинциальный наместник — в воеводу Галлии (*ἐπιτρατεὺς τὰ Κελτικὰ στρατόδεα* — с. 126)²⁰, а император (*αὐτοκράτωρ* или *βασιλεύς*) именуется, в силу принятого компромисса, чаще всего кесарем²¹, хотя, наверное, более подходящим эквивалентом было бы понятие «государь», которое прямо отсылает к монархической власти, но при этом без ненужных абсолютистских коннотаций.

Все это в сочетании с многочисленными рассыпанными по тексту архаизмами, не всегда, быть может, оправданными (засим, понеже, горница, осьмнадцати лет, наипаче, перун, жежество, лепота и т.п.), придает тексту ауру скорее допетровской Руси, а не Римской империи эпохи принципата.

¹³ Ср., например, обширный диалог Герода Аттика и аттического полудемона Агафона (*VS. II. 1.553–554*).

¹⁴ Ср., например, цитату из речи Аполлония Афинского «Каллий, возбраняющий афинянам сожигать мертвецов»: «Выше факел, человец! Почто неволишь, и унижаешь, и мучишь огонь? Небесен он, эфирен, к родному устремлен — не мертвых низводит, но богов возводит» (*VS. II. 20.602*).

¹⁵ Довольно метким попаданием можно признать и слово «засноба» (с. 64) в диалоге Леонта Византийского и македонского царя Филиппа (*VS. I. 2.485*).

¹⁶ Это понятие относится к вполне определенной категории развратников, которая контекстом никак не подразумевается, и вряд ли может быть употреблено в общем значении.

¹⁷ Т.е. различные деньги, в отличие от мнимого, оборотного или долгового богатства.

¹⁸ Майдан, по Далю, это еще и смолокурня, завод, курган, могила и т.п., а также место на базаре, где собираются мошенники для азартных игр.

¹⁹ Подробнее см. Rabinovich 2010, 267–287.

²⁰ Воеводами латников именуются афинские голпитархи.

²¹ В «Предупреждении» специально оговаривается, что перевод *αὐτοκράτωρ* словом «самодержец» никак не подходит для римского императора, потому что в данном случае калькирование произошло с утратой семантики, и «самодержец» — это московский князь или царь (с. 36).

Получается, что авторы перевода несколько отступают от заявленной ориентации на русский литературный язык середины XIX в. (если, конечно, не иметь в виду некоторые литературные опыты славянофилов), когда подобного рода лексика уже воспринималась как устаревшая (характерная скорее для духовенства, нежели дворянской и разночинной интеллигенции) или простонародная, и это волюно или невольно размывает образ софистов как рафинированных интеллектуалов.

Впрочем, в целом нельзя сказать, что переводчики слишком злоупотребляют такими лексическими средствами, и на общей верности перевода это не сказывается, тем более если следовать тому пониманию переводческой верности, о котором писал Умберто Эко: «Верность — это скорее тенденция верить в то, что перевод всегда возможен, если текст-источник был интерпретирован со страстным соучастием, это задача выявить в нем то, что является для нас глубинным смыслом текста, и способность каждую минуту выносить на переговоры то решение, которое кажется нам самым верным»²². Если о верности конкретных переводческих решений можно спорить, то несколько не приходится сомневаться в «страстном соучастии» авторов перевода, которые талантливо раскрывают читателю «глубинный смысл текста».

Переводческая интерпретация «Жизней софистов» дополняется в меру подробным и очень дельным комментарием, разъясняющим как литературно-стилистические и технические (риторические) нюансы текста, так и многочисленные бытовые детали, персоналии и исторические реалии. Это потребовало немало и скрупулезного труда, выяснения литературных параллелей, аллюзий и контекстов, просопографических изысканий, поскольку единственный комментарий ко всему сборнику в издании, подготовленном М. Чивилетти²³, не отличается исчерпывающей полнотой, хотя и полезен (в том числе и с точки зрения библиографических отсылок, которых, кстати сказать, в комментарии русского издания могло бы, на наш взгляд, быть и побольше).

Многие замечания авторов, комментирующих текст, не только содержательны, но и остроумны²⁴. Тем более на взыскательно-придирчивый взгляд досадны некоторые неточности и упущения. Так, некоторые встречающиеся в тексте географические названия, исторические и мифологические персонажи вообще не удостоились комментария, что, впрочем, восполняется пояснениями в аннотированном указателе (горный отрог Мимант, Пейто и Хариты, префект претория Бассей Руф, Аммоний Перипатетик). В случае с пропретором Руфом, у которого был конфликт с софистом Никетом во времена Нерона (*IS. I. 19.512*), следовало бы пояснить, что это мог быть небезызвестный Л. Вергиний Руф, наместник Верхней Германии в 68 г.²⁵ Едва ли правомерно утверждать, что Август считал Аполлона главным покровителем своей державы (с. 206, прим. 1). Юридически некорректно звучит утверждение, что отпущенники находились под властью домовладыки как младшие члены семьи (с. 213, прим. 15): бывшие рабы становились клиентами отпустившего их на волю хозяина, но под его *patria potestas* не попадали. Вряд ли стоит говорить (пусть даже и предположительно: «может быть») об императоре Гелиогабале как о незаконном сыне Каракаллы. Неясно, что подразумевается под словами «сенат, которому Нерва сразу же вернул всю прежнюю власть» (с. 74–75, прим. 48): Домициан формально не лишал сената никаких полномочий. Ошибочным является пояснение: «Среди прочих полномочий у императора были преторские (судебные)» (с. 77, прим. 56): принцепс, как известно, обладал проконсульским империем, а не преторским. Исторически неверным является утверждение о том, что Рим «держал на территории [Боспорского] царства легионы» (с. 182, прим. 299): речь может идти только о легионных вексилляциях (выделенных из состава легионов отрядах). Вряд ли стоит при ссылке на *SHA* упоминать в качестве авторов отдельных биографий названных в этом сборнике писателей Юлия Капитолина и Вулкация (с. 248, прим. 99), которые, как и остальные, давно признаны вымышленными персонажами.

Наконец, надо сказать, что в довольно объемном тексте на удивление мало опечаток. На с. 44 вместо 1922 г. выхода Лоубовского издания «Софистов» Филострата указан 1921 г.,²⁶ а на с. 501 фамилия Billault дана как Billant.

Таким образом, издание во всех своих составных частях выполнено на высоком профессиональном уровне и, несомненно, будет полезно и интересно как специалистам, так и более широкой читательской аудитории. Хочется надеяться, что последующие переводы остальных частей филостратовского корпуса будут не менее качественными и в литературном и научном отношениях.

²² Eco 2015, 583.

²³ Civiletti 2002.

²⁴ Ср., например: «Для софиста слог бывает важнее смысла, а отсылка к Исократу дороже правдоподобия» (с. 109, прим. 138).

²⁵ Ср. Civiletti 2002, 432, n. 11.

²⁶ Wright 1922.

Литература / References

- Borg, B. 2004: Glamorous Intellectuals: Portraits of *pepaideumenoí* in the second and third centuries AD. In: B. Borg (ed.), *Paideia: The World of the Second Sophistic*. Berlin, 157–178.
- Bowersock, G.W. 1969: *Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxford.
- Brener, P.Z., Martins, P. 2017: Novas luzes sobre a Segunda Sofística. *Codex — Revista de Estudos Clássicos* 5.2, 11–28.
- Brunt, P. 1994: The bubble of the Second Sophistic. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 39, 25–52.
- Civiletti, M. 2002: *Filostrato. Vite dei sofisti. Testo greco a fronte. Introduzione, traduzione e note*. Milano.
- Eco, U. 2015: *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode* [Saying Almost the Same Thing. Experiences in Translation]. Transl. from Italian by A. Koval'. Moscow.
- Эко, У. *Сказать почти то же самое. Опыты о переводе*. Пер. с итал. и комм. А.Н. Ковалю. М.
- Makhlayuk, A.V. 2013: [Sophist Flavius Philostratus and his “Sophists”]. *Novyy Germes* [New Hermes] 6, 154–168.
- Махлаюк, А.В. Софист Флавий Филострат и его «Софисты». *Новый Гермес* 6, 154–168.
- Rabinovich, E.G. 2010: [Latin in Greek]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indoeuropeistic and Classical Philology] 14.2, 267–287.
- Рабинович, Е.Г. Латынь по-гречески. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 14(2), 267–287.
- Richter, D.S., Johnson, W.A. (eds.) 2017: *The Oxford Handbook of the Second Sophistic*. Oxford.
- Stefec, R.S. 2016: *Flavii Philostrati vitas sophistarum ad quas accedunt Polemonis Laodicensis declamationes quae exstant duae recognovit brevique adnotatione critica instruxit Rudolf S. Stefec*. Oxford.
- Wright, W.C. 1922: *Philostratus and Eunapius. The Lives of the Sophists*. With an Engl. Transl. (The Loeb Classical Library). London—New York.

Alexander V. Makhlayuk,

А.В. Махлаюк,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

д. и. н., профессор, заведующий кафедрой
истории древнего мира и классических
языков Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского

E-mail: makh1@imomi.unn.ru